

АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Эмилия ШЕУДЖЕН

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ:
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
ТРАДИЦИЯ
ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ**

Москва — Майкоп
2012

УДК 930
ББК 63.1(0)
Ш 52

Монография выполнена при финансовой поддержке
исследовательского проекта № 6.768.11
по Заданию Минобрнауки РФ (2012 г.)

Ш 52 **Шеуджен Э.**
**Историческое знание и историческая
память: западноевропейская традиция
взаимообусловленности.**
Москва — Майкоп: Изд-во АГУ 2012. —256 с.

В данной работе на основе переведенных на русский язык сочинений известных западноевропейских авторов предпринимается попытка рассмотрения основных тенденций развития исторического знания и представлений об исторической памяти в контексте их взаимообусловленности. По логике и структуре работа может служить проводником в сложном лабиринте существующих идей и мнений, учитывая, что у многих российских историков лишь в последние десятилетия появилась возможность обращения к издаваемым европейским сообществом исследованиям. Публикация предназначена читательской аудитории, заинтересованной в данной проблематике, в первую очередь, студентам и аспирантам, изучающим историю исторической науки.

ISBN 978-5-85108-262-7

© Э.Шеуджен, 2012
© Адыгейский государственный университет, 2012

ADYGHE STATE UNIVERSITY
RUSSIAN PHILOSOPHICAL SOCIETY

Emiliya SHEUDJEN

HISTORICAL KNOWLEDGE AND HISTORICAL MEMORY: THE WEST EUROPEAN TRADITION OF INTERCONDITIONALITY

Moscow — Maikop
2012

УДК 930
ББК 63.1(0)
III 52

The monograph was prepared within the framework of the State Program of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Research Project No. 6.768.11, 2012).

III52 **Sheudjen E.**
**Historical knowledge and historical memory:
the West European tradition
of interconditionality.** —
Moscow — Maikop: AGU Publishing House.
2012. — 256 p.

Based on the compositions of well-known West European authors translated into Russian, we attempt to examine the basic tendencies in development of historical knowledge and views on historical memory in a context of their interconditionality. In logic and structure, this publication can serve as a conductor in a labyrinth of existing ideas and opinions if we take into account that many Russian historians have had an opportunity to familiarize themselves with researches published by the European community only within the last decades. This book is intended for the reader's audience interested in the above mentioned problems, first of all, for students and post-graduate students, studying history of a historical science.

ISBN 978-5-85108-262-7

© E.Sheudjen, 2012
© Adyge State University, 2012

*Наука вообще ... не заключается
в коллекционировании приобретённого
знания и в той или иной его системати-
зации. Она состоит в фиксации чего-то
такого, чего мы еще не знаем,
и в попытке это познать.*

Р. Коллингвуд

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной ситуации интерес к проблемам исторической науки приобретает все более выраженный характер, что, прежде всего, обусловлено влиянием концептуальных построений «новой истории», их постмодернистской критикой и, в целом, интенсивным развитием историографии.

Многовековой опыт развития народов неопровержимо свидетельствует, что отношение к историческому прошлому от эпохи к эпохе кардинально изменялось: то явственно проявлялась ностальгия по прошлому, то доминировала надежда на будущее. «То, как мы чувствуем прошлое не менее, а возможно, даже более важно, чем-то, что мы о нем знаем»¹. Народы по-разному относились к проблеме сохранения исторической памяти: одни, считая себя связанными традициями, пытались закрепить их любыми способами; другие же, стремились решительно разорвать связи с прошлым, с нетерпением ждали и восторженно принимали любые, даже разрушительные новшества. Тем не менее, доминирующей тенденцией являлась способность, а главное, потребность вспоминать прошлое, накапливать и сохранять опыт поколений. При этом нельзя не учитывать, что память, как индивидуальная, так и коллективная, обогащаясь знаниями, отражающими прошлое народов, приобретает конфигурацию социально значимой, исторической памяти.

¹ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 32.

Принято считать, что в исторической памяти фиксируются наиболее значимые события. Однако в каждое историческое время складывается свой взгляд на проблему значимого, существенного в истории, формулируются особые требования к отбору «достопамятного»¹. В то же время в памяти каждого народа есть события, как бы вневременные, память о которых сохраняется в веках и передается от одного поколения к другому. Более того, если каждый отдельный человек, при желании, может «стереть» из памяти неприятные воспоминания, травмирующие психику, то народам это не дано: как тяжелая наследственная болезнь, трагические события прошлого передаются из поколения в поколение, серьезно осложняя отношения в обществе.

Сегодня все чаще термин «память», используется в контексте, в котором раньше предпочитали обращаться к традиционному — «история». Эта модификация, несомненно, свидетельствует о принципиально значимых «сдвигах», происходящих в природе исторического сознания². Все более утверждается представление, что историография является сферой памяти, а, в свою очередь, память служит «краеугольным камнем» познания исторического прошлого.

Вне всякого сомнения, изучение образов прошлого, репрезентируемых в исторических сочинениях, проливает особый свет на содержание, структуру и механизмы передачи потомкам исторической памяти. Появляется возможность, выяснить, каким образом и, главное, почему конкретные события прошлого фиксировались, закреплялись и даже фальсифицировались, непосредственно влияя на уровень исторического сознания. Именно в «прикладном», «рефлексивном» плане удастся не только осмыслить способы фиксации исторической памяти (миф, хроника, история), но и понять, как удерживаются в памяти исторические свидетельства, создавая интеллектуальную традицию.

Немалые сложности связаны с особенностями истории как науки: десятилетия поколений историков пытались проникнуть в мир безвозвратно ушедшего прошлого, которое невозможно ни вернуть и ни повторить, каждый раз убеждаясь, что в лучшем случае оказались на его туманных пространствах, а перед ними, по-прежнему, простирается

¹ Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. С. 6.

² Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. С. 23–25.

полная тайн непознанная «территория истории». Тем не менее, развитие исторического знания постепенно приводило к преодолению разрыва между «живой» памятью и историей. При этом «ариадниной нитью» становился вопрос, каким образом историк вступает в историографические отношения с памятью о прошлом?

Смысл данной работы состоит в попытке выявить взаимообусловленность процесса развития исторического знания и исторической памяти. Подобный подход, как хотелось бы надеяться, позволяет осмыслить характерные тенденции развития исторического знания: значение традиции как основы «влечения» к прошлому, воздействие на представления о прошлом изменяющихся технологий коммуникации (устной традиции, письменности, печатной культуры, средств массовой информации), взаимосвязь коллективной памяти и процессов общественного развития, роль политической риторики в репрезентации прошлого.

Учитывая внутреннюю динамику исторического знания, целесообразно выделить в структуре работы основных периодов, как фиксированных стадий на пути движения. Исходя из существующих представлений, условно предлагаются разделы: Античность, Средневековье, Новое и Новейшее время. При этом отдельные события представлены как рубежи кардинальных изменений в истории и историографии. Иными словами, речь идет об идеях выдающихся мыслителей прошлого, связанных с осознанием процесса развития истории в контексте представлений об исторической памяти, а также характере влияния исторического знания на коллективное сознание в различные периоды общественного развития. В этом плане особый смысл приобретает анализ трудов выдающихся европейских историков, ставших «моделями возможных исторических репрезентаций», позволяющих судить об их отношении к памяти о прошлом¹.

Публикуемая книга не о философских проблемах исторического познания. В ней ставится прагматичная задача осмысления того, как опыт народов, закрепленный в исторических сочинениях, придал устойчивость памяти и как, в свою очередь, память влияла на историографический процесс. Для решения этой задачи имеются необходимые основания: за пять тысячелетий письменной истории накопилось

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. С. 23.

огромное количество разнообразных источников, запечатлевших выстраданный опыт народов. Именно благодаря этому с большим трудом, поэтапно «раздвигались» границы истории, расширяя пространство памяти.

В функцию истории как социальной памяти входит не только накопление и сохранение опыта поколений, но и оценка исторических явлений «без гнева и пристрастия». Несмотря на призывы и предпринимаемые усилия, истории так и не удалось стать в полной мере «чистой наукой», свободной от идеологических и политических интересов: над ней как дамоклов меч всегда нависали общественные интересы. Много из того, что имело место в прошлом, затрагивает современные интересы. В этом смысле историки, выполняя своеобразную социальную миссию, являются ответственными за «отбор» и «толкование» свидетельств, достойных быть увековеченными в массовом сознании.

В современной историографической ситуации эти положения приобретают особое значение. Не случайно в научный оборот все чаще входят понятия «культивируемая память», «управление прошлым», связанные с ролью историка в формировании коллективного исторического сознания. Более того, историки стали интересоваться исторической памятью как средством мобилизации политической власти, возможностями манипулирования коллективной памятью в политических целях.

Конечно, слияние научного и идеологического дискурсов неизбежно приводит к деформации процесса исторического познания, к жесткой ориентации исследовательской проблематики в «заданном» направлении. Причастность власти к процессу историописаний стала одним из выраженных способов влияния на историческое знание. По существу, историки участвуют в формировании коллективной исторической памяти, включаясь в альянс «власти и истории», определяя объем «памяти» и «забвения». Немало современных историков обращают внимание на то обстоятельство, что даже в курсах истории, ориентированных на обучение молодежи, одни и те же исторические факты в разных странах трактуются в зависимости от национальных интересов, оказываются «в плену» у идеологии.

Но это еще не все: положение осложняется в связи с тем, что в любом обществе взгляды профессиональных историков составляют лишь незначительную часть знания

о прошлом. Между тем, учитывая современный уровень образованности значительного числа людей, история становится более «открытой». Появилось огромное количество публикаций на исторические темы для «массового потребления». С одной стороны, они поддерживают интерес к истории, придают ему «массовый» характер, в то время как с другой — порождают мощные пласты мифологизированной истории.

Подобные процессы, имея сложный механизм взаимодействия, отражают как реальный историографический опыт, так и «мифотворческий», но как первый, так и второй играют определяющую роль в формировании коллективной идентичности народов, порождая явление «культивируемой памяти»¹. И хотя в сообществе профессиональных историков принято возмущаться поверхностностью популярного исторического знания, нельзя не признать, что некоторыми знаниями о прошлом практически обладает каждый человек, без этого он оказался бы в состоянии манкуртизма.

Данное издание предшествует ранее опубликованной работе «Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти»² и является ее преддверием. В строгом смысле ее можно считать «просвещенческой», позволяющей наметить лишь некоторые подходы к пониманию трагической взаимоотношенности реальности как таковой, ее образа представленного в исторических репрезентациях и исторической памяти.

¹ XX век: методологические проблемы исторического познания. Сборник обзоров и рефератов. М., 2001. С. 277.

² Шейден Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп, 2010.